

позволит прусскому королю игнорировать соглашение об оборонительном альянсе между ней и Вашим Величеством». Но, добавил умудренный опытом великий политик и дипломат, все дворы Европы получают право более не соглашаться с преимущественным положением императора, которое Россия ему больше не уступит. Когда в 1785 г. Иосиф II попытался с помощью России произвести обмен Австрийских Нидерландов на Баварию с целью «округления» родовых владений Габсбургов, прусский король Фридрих II создал под лозунгов защиты имперской конституции Союз Князей, что заставило императора отказаться от своих планов. России союз с Австрией позволил активизировать свою политику на южном направлении и завоевать Крым, а также подготовить планы более выгодного для нее соотношения сил в разделах Польши, чем этого хотели допустить мечтавшие об усилении прусского влияния в этой стране берлинские политики.

Таковы были политические итоги поездки Иосифа II в Россию. Но его письма Марии Терезии во время поездки интересны также как свидетельства образованного, широко мыслящего человека и крупного политика о некоторых сторонах жизни нашей страны в конце XVIII в.

Л. Е. Горизонтов.

д.и.н., проф. Российский гос. гуманитарный университет

СМОЛЕНСКИЙ РУБЕЖ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА И МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Регионообразующим границам и пограничьям принадлежит ключевая роль в ментальной географии (пространственных представлениях) различных эпох². В этом отношении весьма показателен пример Смоленской земли, некогда относившейся к «городам от Литовской украины» и долгое время располагавшейся в зоне оспариваемого русско-польского фронта.

В исторической песне, повествующей о том, как царь Алексей Михайлович держал совет с боярами о судьбе Смоленска, одни из них говорили, что «Смоленец» - «не московское строенье -- литовское» и всячески умаляли его полезность для России, другие же, напротив, утверждали, что он «не литовское строенье -- московское». Царь принял сторону последних, предав казни заблуждавшихся³. В песне отразилось пограничное положение Смоленска, неоднократно переходившего из рук в руки. Эта характеристика города сохранялась и в период с 1667 по 1772 г., когда «литовский рубеж», наконец, стабилизировался.

В XVIII в. в ходе частых изменений административно - территориального деления России Смоленск то становился частью пространства, организуемого Москвой, то выступал в роли самостоятельного центра, то попадал в различные немосковские регионы. После раздела Речи Посполитой Смоленская губерния была сформирована таким образом, чтобы прежние российские владения оказа-

лись в ней соединены со вновь приобретенными. Писавший вскоре после первого раздела Х.А.Чеботарев включал Смоленск не в «среднюю часть Российской империи», которую отождествлял с обширной Московской губернией того времени, а в западную группу губерний⁴. Сама Смоленщина, подобно Малороссии, продолжала восприниматься как новое приобретение. Екатерина II была крайне озабочена местными правовыми особенностями и специфической идентичностью населения этих регионов, которые предстояло интегрировать в имперское пространство наряду с землями на Балтике, отошедшими к России в первой половине XVIII в.⁵

Элита Смоленской земли сохраняла отпечаток полонизации⁶. Выходец из тех мест Г.А.Потемкин мог в 1788 г. ситуативно называть себя поляком. «Разумеется, - комментирует это признание А.Л.Зорин, - столь гиперболически усиленная польскую составляющую своей генеалогии, Потемкин не перестает ощущать себя великороссом»⁴. С.Н.Глинка писал о «Смоленске, сближенном с Екатериною уроженцем своим, князем Таврическим»⁵.

Мемуары С.Н.Глинки дают возможность проследить эволюцию от локальной, смоленской, к более широкой идентичности. «Я преспокойно сидел в углу кибитки и думал о родине», - рассказывает он о своем первом посещении Москвы. И «во второй раз, - свидетельствует Глинка, - для меня Москвы не было в Москве. Русское было далеко от моих мыслей». «Не наступило еще перерождение души моей в жизнь отечественную, в жизнь русскую, - вспоминал себя двадцатилетнего мемуарист. - Родина была жизнью души моей». Впоследствии Глинка обосновался в Москве и получил известность в качестве издателя журнала «Русский вестник», ставшего после Тильзитского мира рупором патриотических настроений⁶.

Если в пору Пугачевщины основное внимание русского общества было обращено на восток, а во время войн с Турцией на юг⁷, то в 1812 г. взоры устремились на запад, откуда пролегал кратчайший путь вражеской армии в центр России. Ничто, увы, так не способствует познанию собственной страны, как боевые действия на ее территории. Стратегически значимые города, природные рубежи, дороги обретают символический смысл. Вести из провинции, ставшей ареной сражений, много важнее столичных. Оживают исторические предания прошлых войн.

В афише от 1 июля 1812 г. Ф.В.Ростопчин вложил в уста подвыпившего московского мещанина-патриота задорное обращение к Наполеону: «Белорусцев возьмем да тебя в Польше и погребем». Таким образом, в самом начале войны высказывалось убеждение, что она закончится разгромом неприятеля на бывших

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Регионы Европейской части Российской империи: ментальная география и пространственные стратегии власти», проект №10-01-00371а.

2 Горизонтов Л.Е. Регионализм как область научного знания и направление российских исследований // История СССР/РФ в контексте современного осмысления. М., 2011.

3 Русская историческая песня. Л., 1990. С.156-157.

1 Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776.

2 Иконников В.С. Екатерина II как историк. Киев, 1911. С.11.

3 Кашпелер А. Россия - многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С.55-57.

4 Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка. 1769-1791. М., 1997. С.265; Зорин А. Корня двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII - первой трети XIX века. М., 2001. С.142.

5 Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996. С.138.

6 Там же. С.139, 143, 161.

7 Горизонтов Л.Е. Казань и Казанская губерния на ментальных картах Российской империи XIX - начала XX в. // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007; Он же. Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г.П.Данилевского // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007.

землях Речи Посполитой и при активном участии белорусов, каковыми тогда обычно считали жителей современной Восточной и, реже, Центральной Белоруссии («белорусцы») – весьма архаичное для второго десятилетия XIX в. обозначение). Москва изображалась неприступной твердыней: «Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Вить это не город, а царство». «Москва – царство» – устойчивое сочетание, бывшее в ту пору поговоркой. Первопрестольная столица, согласно С.В.Максимову, получила столь «важный и крупный эпитет» благодаря «внутренней связи со всею обширною страню Русского царства»².

Вскоре по мере продвижения неприятеля в глубь страны на первый план выходит Смоленск, возле которого, на Днепровском рубеже, московский генерал-губернатор теперь рассчитывал остановить армию Наполеона³. Однако и этот прогноз не оправдался. «Я, прибыв к армии, – писал М.В.Кутузов за несколько дней до Бородинского сражения П.В.Чичагову, – нашел неприятеля в сердце древней России, так сказать над Москвою, и настоящий мой предмет есть спасение Москвы самой, а потому и не имею нужды изъяснять о том, что сохранение некоторых отдаленных польских провинций ни в какое сравнение с спасением древней столицы Москвы и самых внутренних губерний не входит». В том же духе главнокомандующий уведомлял А.П.Тормасова. Внутренние губернии противопоставлялись отдаленным польским⁴.

В опубликованном «Северной почтой» рапорте М.И.Кутузова от 4 сентября указывалась «нераздельная» связь между сдачей Смоленска и Москвы⁵. Эта версия стала предметом «толков», которые довелось слышать М.Б.Барклай-де-Толли, «проезжая губернии внутренние». 25 октября он отправляет императору из Владимира письмо с изложением своего видения событий, которое хочет сделать достоянием общественности. «Весьма трудно истолковать, какую связь между собою могли иметь Смоленск с Москвою, – рассуждал генерал. – Смоленск не есть крепость, защищающая пределы государства или вход в Москву; город сей не есть предместье московское; следственно, потеря Москвы имеет столько же связи с потерей Смоленска, как и потеря Могилева, Минска, Борисова, Лепеля и многих других городов». Барклай-де-Толли не только не усматривал сопряженности Смоленска с Москвой, но ставил его в один ряд с губернскими и уездными центрами Могилевской, Витебской и даже Минской губерний. В приложенной к письму записке военачальник ссылался на изначальное решение («открыть кампанию отступлением к древним нашим границам»), дабы внутренний враг в неблагонадежных западных губерниях не мог угрожать армии с тыла. Движение к Смоленску полностью этому плану соответствовало⁷.

Между тем, на ментальных картах того времени внутренние и польские гу-

бернии, на границе которых находился Смоленск, качественным образом различались. По свидетельству Ф.В.Ростопчина, Смоленск «в общественном мнении, возведен был в оплот Москвы»¹.

Для определения западной границы Центрального региона России, ее внутренних губерний чрезвычайно существенно, что именно на этом направлении военное лихолетье дважды – при отступлении и наступлении русских войск, выверило точную демаркационную линию между своим и чужим. «Поречье – первый старый русский город на пути нашего отступления, и расположение к нам жителей было другое, – вспоминал А.П.Ермолов. – Прежде проходили мы губернии литовские, где дворянство, обольщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены. Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей. Невозможно было изъяслять ни более ненависти к врагам, ни живейшего усердия к преподанию нам всех способов, предлагая содействовать, ни собственности не жалея, ни жизни самой не щадя!»². «Пока мы проходили бывшие польские места, – говорится в других воспоминаниях о 1812 г., – жители городов и деревень относились к войскам с молчаливым равнодушием... Совсем иное было в губернии Смоленской». К востоку от Смоленска с приближением неприятельской армии местное население покидало свои дома, устремляясь в глубь страны³. Из Орши Могилевской губернии пленные высылались «во внутренние губернии российские»⁴.

Партизанский опыт Д.В.Давыдова подсказал ему несомненный критерий демаркации. После вступления на правый берег Березины в районе Борисова для отбившихся от отряда стали представлять опасность местные селяне. Если в центральных губерниях, чтобы добиться доверия крестьян, достаточно было облачиться в простонародную одежду, запустить бороду и отказаться от французского языка, то здесь, в Минской губернии, ситуация выглядела иначе. «Это было лучшее доказательство истинного рубежа России с Польшею», – писал Давыдов по поводу гибели двух своих подчиненных⁵.

В незатейливых старческих воспоминаниях владимирского ополченца, мелкого провинциального чиновника, бывшего явно не в ладах с географией, читаем про поход в «Борисов Минской губернии, что в Малой Польше», и обратный путь домой. «Как вступили почти на землю русскую, то, оканчивая белорусскую, – свидетельствовал мемуарист, – каждый христианин ополченный радовался и, подымая кусок земли, целовал, говоря, что близится к груди своей русской Отчизны и с радостным лицом лучше тут умереть, нежели, хотя были и слабые после болезней, оставаться в Малой Польше!». Обряд целования земли происходил где-то под Вязьмой, на границе Смоленской и Московской губерний⁶.

Последний оценить масштабы разрушений на бывшем театре военных действий архиепископ Рязанский Феофилакт сообщал А.А. Аракчееву о том, что в Могилевской и Минской епархиях гораздо меньше сожженных домов, чем в

1 Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С.210.

2 Максимов С.В. Крылатые слова. Нижний Новгород, 1996. С.87.

3 Ростопчин Ф.В. Указ. соч. С.265.

4 Кутузов М.И. Генерал-фельдмаршал. Письма, записки. М., 1989. С.311-313, 467.

5 Северная почта, или Новая Санктпетербургская газета. 1812, 18 сентября (№75). «Особое прибавление» к этому номеру открывалось пространством свидетельством о бесчинствах французов в Смоленской губернии и вооруженном сопротивлении им по собственному почину местных крестьян, что ставилось в пример другим. Еще раньше, незадолго до совета в Филях, о связи Смоленска и Москвы Кутузов говорил Ростопчину: «Au reste, la perte de Smolensk entraîne celle de Moscou» («Впрочем, потеря Смоленска влечет за собою потерю Москвы»). – Военный журнал. 1859. С.15.

6 Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.). М., 2006. С.272.

7 Там же. С.273-275.

1 Ростопчин Ф.В. Указ. соч. С.285.

2 Ермолов А.П. Записки 1798-1826. М., 1991. С.146-147.

3 Буленев А.П. Воспоминания русского дипломата // Русский архив. 1881. N5. С.70-72.

4 1812 год. Воспоминания воевод русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С.210-211.

5 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С.273.

6 1812 год. Воспоминания воевод русской армии. С.426, 434.

соседней Смоленской. Различие объяснялось политическими расчетами противника¹. Речь шла об особом отношении Наполеона к входившим ранее в состав Речи Посполитой землям, где в дворянской среде продолжали преобладать поляки.

Во французских архивах найден пространный рапорт Наполеону генерала М.Сокольника, составленный по поручению императора за несколько месяцев до похода на Россию. Хорошо осведомленный польский автор рапорта считал главным театром Литву, действия в которой планировал дополнить отвлекающей «широкомасштабной диверсией» на Правобережной Украине с занятием Киева. Сокольник предлагал распространить Речь Посполитую до «естественной» границы 1772 г. и убеждал Наполеона в том, что проживающие по обе стороны от нее «не перестали быть полноценными поляками», способными на массовое восстание и создание добровольческих формирований. По заверениям генерала, даже на Украине, где межнациональные антагонизмы не раз достигали апогея, бороться за восстановление Речи Посполитой будут представители всех сословий. Дабы «надежно оградить Польшу от России» за днепровско-двинским рубежом под «непосредственной протекцией» Польши предлагалось создать «цепь федеративных герцогств». Названное в их числе Герцогство Смоленское занимало междуречье Днепра и Западной Двины, включая их истоки, и простиралось вплоть «до первого волжского рукава». Сам Смоленск, по мысли Сокольника, «должен превратиться в польский пограничный форпост»².

Оказала ли война 1812 года решающее влияние на изменение ментальных карт? С одной стороны, Николай I, стремясь раздвинуть пределы ядра империи, повелел не считать впредь Могилевскую и Витебскую губернии «в числе губерний, возвращенных от Польши», а затем – называть их белорусскими. В его царствование существовало генерал - губернаторство с центром в Витебске, в которое входили как Витебская и Могилевская, так и Смоленская губернии. Упразднение этого генерал - губернаторства в 1856 г. связывалось с успехами унификации. В своем проекте «затирания» все еще дававшей о себе знать границы 1772 г. И.С. Аксаков сравнивал Смоленск с Могилевом, а Псков с Витебском и отводил Смоленщине роль базы обрусения Западного края³. В начале XX в. при проектировании новых университетов отмечалось, что Смоленск – «чисто русский город», способный стать «могучим рассадником русской культуры на Белорусию и Северо-Западный край». Он «задержит и даже обессилит все усиливающееся влияние нерусского населения на русскую и литовскую народности». При этом, однако, высказывались опасения, что ввиду близости Смоленска к Москве последняя будет притягивать к себе его потенциальных студентов⁴.

С другой стороны, Смоленскую губернию по-прежнему далеко не всегда включали в Центральный (Московский) регион. Согласно В.В. Пассеку, Ф.Н.Глинке и К.И.Арсеньеву, писавшим в 30–40-е годы, западная дуга московской

привитации в наибольшей степени размыта и неопределенна. Д.П.Шелехов считал, что за Вязмой и Ржевом, обитает уже иной народ – существенно отличный по внешности, одежде, нраву, языку («язык русский ломанный, странный в произношении и по значению слов»). Речь шла о белорусах. «Псковское и смоленское племя, – писал Шелехов, – больше сходно с белорусским, в котором есть Русь, но как луч солнечный в потухающей заре»¹. Ф.В.Булгарин различал псковско-новгородское племя, «смолян», белорусов и великороссиян². По Н.И.Надеждину, Белоруссия «проникает» в Смоленскую губернию³. М.Н.Катков констатировал, что «белорусский говор слышится не только на Немане или Припяти, – он звучит почти по всей Смоленской губернии и подходит под самую Москву»⁴. Этнограф С.В.Максимов называл Смоленск столицей Белоруссии⁵. Даже накануне Февральской революции председатель Совета министров Б.В.Штурмер не считал «Смоленский край» вместе с западными уездами соседней Калужской губернии великорусскими («в полном смысле этого слова»⁶).

Смоленск и его губерния продолжают восприниматься и как надежный русский форпост, и как находящиеся под угрозой. В годы Крымской войны М.П.Погодин пугал перспективой воспользоваться «Годуновской стеной в Смоленске» (именно это место в погодинском тексте подчеркнул Николай I)⁷. Польское восстание 1863 г. вызвало панические настроения в городе. Пограничность Смоленской губернии с новой силой ощутили в 80-е годы в связи с «польской колонизацией», фиксируемой по ряду экономических и этнографических признаков: озабоченность судьбой «Смоленской окраины, давно обрусевшей», выражал тогда сам К.П.Победоносцев⁸.

После революции Смоленск выделялся в составе и нередко даже в качестве столицы Западной области. Замысел этот тесно переплетался с большевистскими планами белорусского государственного строительства. Включить в область планировалось и созданную в 1920 г. Брянскую губернию, власти которой упорно сопротивлялись подчинению Смоленску⁹. После советско-польской войны как М.Тухачевский, так и Ю.Пилсудский признали стратегическое значение «смоленских ворот»¹⁰, что в полном мере в очередной раз подтвердил опыт Великой Отечественной. В послевоенные годы вновь разоренная Смоленщина надолго стала олицетворением неблагоприятия российского Нечерноземья. С распадом СССР она опять сделалась пограничной.

Итак, именно вдоль смоленского рубежа война 1812 г. четко демаркировала пространство по признаку отношения местного населения к противоборствующим армиям. Резкий контраст прослеживался в поведенческих стратегиях не только представителей элиты, но и простонародья. Дифференцированной поли-

1 Дубровин Н. Указ. соч. С.440.

2 Сокольник М. «Исполнено по высочайшему повелению...» Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольником, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» Минск, 2003. С.59-60, 68, 71, 80-81, 113.

3 Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX - начала XX в. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып.2: География и политика. С.18-19; Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т.3. С.433.

4 Иванов А.Е. География российских университетов: реальность и планы (конец XIX – начало XX века) // Российские университеты в XVIII – XIX веках. Воронеж, 2000. Выпуск 5.

1 Шелехов Д. Путешествие по русским проселочным дорогам // Библиотека для чтения. 1839. Т.XXXII. Отдел IV. С.4-5.

2 Булгарин Ф. Выбранные. Минск, 2003. С.191.

3 Надеждин Н.И. Великая Россия // Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т.9.

4 Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. С.243.

5 Максимов С.В. Собр. соч. Т.15. С.89.

6 Отечественные архивы. 2009. №1. С.102.

7 Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т.1. С.413.

8 Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние... С.24.

9 Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-6984. Оп.1. Д.103.

10 Pilsudski J. Rok 1920; Tuchaczewski M. Pochod za Wisle. Lodz, 1989. S.19-20, 35-36, 162, 165-167, 171.

тики на захваченных территориях Российской империи придерживался Наполеон. Проведя выразительную грань между своим и чужим (польским, литовским, белорусским), война упрочила на ментальных картах как порубежность Смоленска, так и его связь с Москвой. Смоленск воспринимался как вход в московское пространство, город, самым непосредственным образом сопряженный с судьбой древней столицы. Наперекор общественному мнению с особой позицией в данном вопросе выступил Барклай-де-Толли. Однако после войны восприятие Смоленской губернии в качестве неотъемлемой составляющей Центральной (внутренней) России не сделалось всеобщим. В частности, продолжало бытовать представление о Смоленщине как восточной оконечности белорусского этнического массива. Традиция локализации ее вне Центрального региона России, в так или иначе очерченном Западном регионе имеет глубокие исторические корни и достаточно устойчива, хотя определенно не является доминирующей. Впрочем, в современных условиях весь исторический Центральный регион геополитически превратился в Запад России.

В. А. Бобков

к.и.н, Брянский гос. университет им. академика И.Г. Петровского

РАБОТА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Ф. И. АПРЕЛЕВА ПО РАЗВИТИЮ АРТИЛЛЕРИИ РОССИИ

Много выдающихся людей развивали отечественную артиллерию. Имена одних из них широко известны, а другие подчас по тем или иным причинам остаются мало растиражированными фигурами, хотя и являлись людьми заметными. Настоящая статья призвана на основе новых данных привлеченных, в том числе и из архивохранилищ реконструировать деятельность одного из таких людей.

Федор Иванович Апелев - артиллерийский генерал-лейтенант, родился в 1764 г., умер в 1837 г.¹ В книге «Семейство Апелевых» сообщается: «Апелевы принадлежали к старому Новгородскому дворянству; имена их не редко встречаются в актах XVII века. Имение их с. Усадище Большой Двор, на живописном берегу р. Сяси, не подальку от города Тихвина и векового русского богомолья, находилось в тоже время и невдалеке от знаменитого Грузина»².

Федор Иванович действительно был из дворян Новгородского уезда, где жила семья Апелевых. В переписи 1710 г. в частности отмечено о далеких предках Федора Ивановича: «за Иваном Григорьевичем Апелевым усадище Большой Двор Решкой Берег тож, а в том усадище живет отец ево Григорей Алексеевич Апелев, с ним господином моим Иваном Григорьевичем в одном доме, от рождения отцу ево 80 лет служил великого государя службу по Москве во дворянх за службы и за старостью от службы отставлен поместья и вотчин за ним нет, у негож господина моего мать Агафья Стефановна от рождения ей 75 лет господину моему Ивану Григорьевичу от рождения 40 лет великого государя службу служит по жилецкому списку, а о службах ево господина моего Ивана Григорьевича в которых годах и во многих лих походах и у кого в полках был того я сказать

не знаю, а ныне ево в доме своем нет определен указом великого государя в Пешехонских дворцовых селех у государева дела у него господина моего жена Ирина Стефановна от рождения ей 30 лет, у негож дети Иван Иванович 10, Федор Иванович 3 лет, дочери Авлотья Ивановна 12 лет, Акилина Ивановна 3 лет, Орина Ивановна году»³.

В приведенной выше книге «Семейство Апелевых» упоминается и генерал-лейтенант Федор Иванович: «Говоря об Апелевых, мы невольно сталкиваемся с Аракчеевым. Между ними тесная связь: отец Апелевых, старик Федор Иванович генерал Александровских времен, принадлежит к числу его особых доброжелателей и пользуется его доверием, покровительством и дружбой. Аракчеев восприимчив его детей; он с ним в постоянной и дружеской переписке. Имя Аракчеева произносится с почтением и признательностью в семье Апелевых; его портрет висит у них на почетном месте»⁴.

Действительно жизнь и работа связала Федора Ивановича с Аракчеевым, т.к. они вместе занимались разработкой и производством артиллерии для армии России. Но не будем забегать вперед, а начнем повествование с юных лет Федора. Апелев начал свою военную карьеру с обучения в кадетском корпусе. 18-го августа 1776 г. он был определен во 2-й кадетский корпус, откуда 21-го апреля 1780 г. выпущен с чином штык-юнкера в бомбардирский полк. Апелев прослужил около года в полевой артиллерии и в 1781 г. был переименован в унтер-цейхвартеры С.-Петербургского арсенала⁵. В 1785 г. Апелев был снова переведен подпоручиком во 2-й канонерский полк, а 16 февраля 1789 г. назначен поручиком над мастеровыми в Дерптский арсенал. 26 января 1792 г., в чине капитана, переведен на ту же должность в С.-Петербургский арсенал и, оставаясь здесь, в 1793 г. зачислен во 2-й канонирский полк, а вскоре за тем в фузелерный.

Как известно, победы на полях сражения готовятся до начала войны. В конце XVIII - начале XIX вв состояние артиллерии во многом предопределяло победу той или иной армии. В России усовершенствование в производстве артиллерии во всех ее отраслях зародилось в конце царствования Екатерины II в покоях гатчинского дворца, среди ближайших друзей и сотрудников Павла Петровича. Как вспоминала В.Н. Головина, Павел стремился к дисциплине, порядку даже в среде своего гражданского окружения. «Павел старался развивать в сыне вкус к военному делу. Он заставлял Александра и его брата Константина два раза в неделю присутствовать на военных упражнениях»⁶. Гатчинская команда формально входила в состав русской армии, реально же подчинялась только Павлу, ее сформировали еще в 1782г. из двух караульных рот, и к 1792г. в ней числилось уже около 1000 человек, а к 1796г. более 2500 человек. Артиллерия у Павла была учреждена еще в 1786г. .

В период 1791-1792 гг. в то время капитан Апелев активно участвовал в разработке материальной части артиллерии для войск Гатчины. Артиллерия Гатчинты «по своим конструктивным и тактико-техническим характеристикам значительно превосходила материальную часть русской артиллерии, состоящей

3 Российский государственный архив древних актов. Ф.1209. Оп.1. Д. 8600. Перепись 1710 года: Новгородского уезд: Оболенская пятнина; Заснежская половина: Сказки, поданные в 1710-1711 гг. переписчику Михаилу Ларионовичу Мордвинову. Л. 7.

4 Семейство Апелевых. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. 1898. С. 6.

5 Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. Санкт-Петербург. 1998. С.153.

6 Головина В.Н. Мемуары. - В кн. История жизни благородной женщины. - М.1996. С.116.

7 Аракчеев: свидетельства современников. - М., 2000. С. 14.

1 Архив СПб. Историч. Артилл. Музея Д. Ген. Пов. св. 1.005, №№ дел 86 и 40 — Ратч. "Свед. о графе А. А. Аракчееве". СПб. 1864 . С. 83.

2 Семейство Апелевых. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. 1898. С. 5.